

Характеристика и функциональное назначение системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка¹

Аннотация. Основываясь на положениях общей теории систем и теории права, с учетом философских объективных установок автор работы отстаивает позицию о том, что, несмотря на отнесение законодателем правовых норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка, к разным институтам уголовного законодательства, их необходимо рассматривать как систему, представляющую собой целостное, относительно самостоятельное, элементное образование уголовного права. Аргументируется, что эта система по своему типу относится к открытым системам, поскольку даже в условиях частичного выделения в структуре уголовного закона она способна реагировать на внешнюю среду через точки соприкосновения с ней. Учитывая различные вызовы и угрозы воинскому правопорядку на входе, она, преобразовав их, позволяет на выходе обеспечить предупреждение воинской преступности и уголовно-правовую охрану этого правопорядка. Констатируется, что данная система основана на множестве внешних и внутренних связей ее элементов и более крупных образований. Среди таких связей выделяются генетические (связи порождения), координации, субординации и структурные внутрисистемные связи, которые в своей совокупности поддерживают гомеостаз системы военно-уголовных норм, т.е. обеспечивают ее существование и функционирование. Структура этой системы зависит от ее предметно-функционального предназначения — обеспечения уголовно-правовой охраны воинского правопорядка в мирное и военное время. Проведенный анализ интегративных свойств данной системы, ее типологическая характеристика и предметно-функциональное назначение позволили сделать вывод, что система военно-уголовных норм представляет собой подотрасль уголовного права.

Ключевые слова: система уголовного права; система уголовного законодательства; теория систем; элемент системы; межэлементные связи; структура системы; правовая норма; правовой институт; подотрасль права; система военно-уголовных норм; воинский правопорядок.

Для цитирования: Бодаевский В. П. Характеристика и функциональное назначение системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 4. — С. 44–62. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.173.4.044-062.

---

¹ Статья подготовлена при информационной поддержке справочной информационной системы «КонсультантПлюс».

© Бодаевский В. П., 2021

* Бодаевский Виктор Петрович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия
ул. Павленко, д. 5, г. Симферополь, Россия, 295006
bvp70@rambler.ru

Characteristics and Functional Purpose of the System of Criminal Law Rules Providing Protection of Military Law and Order²

Victor P. Bodaevsky, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Crimean Branch of the Russian State University of Justice
ul. Pavlenko, d.5, Simferopol, Russia, 295006
bvp70@rambler.ru

Abstract. Based on the provisions of the general theory of systems and the theory of law, the author of the paper, taking into account philosophical objective attitudes, argues that, despite the fact that the law-maker refers legal norms ensuring protection of the military law and order to different institutions of criminal law, they must be regarded as a system that is a holistic, relatively independent, component institution of criminal law. The author argues that this system in its type belongs to open systems, since even in the conditions of partial determination in the structure of the criminal law it is able to react to the external conditions through available points of contact. Given various challenges and threats to the military law and order at the beginning, this system, having transformed them, allows in the end to provide prevention of military crime and criminal law protection of the military law and order. It is stated that this system is based on a variety of external and internal relations between its elements and larger formations. Among such connections the author enumerates genetic relations (spawn relations), coordination, subordination and structural intra-system connections that together support homeostasis of the systems of military-criminal norms, i.e. ensure its existence and functioning. The structure of this system depends on its subject and functional purpose, namely, providing criminal legal protection of military law and order in peacetime and wartime. The analysis of the integrative properties of this system, its typological characteristics and subject and functional purpose makes it possible to conclude that the system of military and criminal law rules constitute a sub-branch of criminal law.

Keywords: criminal law system; criminal laws system; system theory; system element; inter-element links; structure of the system; legal norm; legal institution; subbranch of law; system of military and criminal law rules; military law and order.

Cite as: Bodaevsky VP. Kharakteristika i funktsionalnoe naznachenie sistemy ugolovno-pravovykh norm, obespechivayushchikh okhranu voinskogo pravoporyadka [Characteristics and Functional Purpose of the System of Criminal Law Rules Providing Protection of Military Law and Order]. *Lex russica*. 2021;74(4):44-62. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.173.4.044-062. (In Russ., abstract in Eng.).

В общей теории права и теории уголовного права общепризнанно мнение, что любой закон, и прежде всего кодифицированный правовой акт, представляет собой не просто сборник норм, а их систему³. Как правильно отметил по этому поводу М. С. Жук, уголовное право и законодательство должны рассматриваться не в качестве совокупности их составных частей (норм, статей), а как система, целостное образование. Вместе с тем, поскольку законодательство признается формой выражения уголовного права и отражает сформированные или формирующиеся его элементные образования, изучение этой системы должно проводиться от права к кодексу, а не наоборот, чтобы можно было

оценить адекватность содержания и структуры уголовного закона содержанию и структуре уголовного права⁴.

По-нашему мнению, приведенное утверждение можно взять за основу данного исследования, однако оно требует некоторого пояснения, так как в юридической литературе принято разделять понятия «система законодательства» и «система права». Мы присоединяемся к позиции тех ученых (например, К. К. Панько), которые считают, что система законодательства, представляющая собой совокупность форм выражения права, соответствует системе права как совокупности правовых норм, но полностью с ней не совпадает, поскольку нет полного со-

² The reported study was prepared with the information support of the legal reference system "ConsultantPlus".

³ См.: Демин А. В. Система российского права: тенденции и перспективы // Системность в праве / под ред. Н. Л. Клык. Красноярск : Универс, 2002. С. 6–20.

⁴ Жук М. С. Теоретические основы построения системы институтов российского уголовного права : монография / под ред. В. П. Коняхина. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, Просвещение-Юг, 2011. С. 7–8.

впадения между содержанием и формой вообще. Такое несовпадение необходимо понимать лишь как некоторое отклонение от принципа адекватности законодательства праву⁵.

Уголовное право России представляет собой правовую систему в виде классической отрасли права, единственным формальным источником которой, как принято считать в отечественной правовой науке, признается уголовный закон⁶. Данный подход отражен в п. «о» ст. 71 Конституции РФ и ч. 2 ст. 2 и ст. 3 УК РФ. В то же время в науке уголовного права распространена точка зрения о том, что в РФ существует еще одна система уголовно-правовых норм, предназначением которых является обеспечение охраны воинского правопорядка, традиционно называемая военно-уголовным правом⁷.

Рассмотрение этой совокупности правовых норм как целостной системы и необходимость исследования ее соотношения с системой уголовного права детерминированы особенностями воинских отношений, возникающих между основными субъектами военного права (военнослужащими и приравненными к ним лицами) в процессе повседневной жизни и боевой деятельности войск, в результате реализации ими нормативных предписаний общегражданского и военного законодательства. Система указанных общественных отношений образует воинский правопорядок⁸.

Изложенные утверждения весьма важны, поскольку они указывают на наличие у данной системы правовых норм своего собственного объекта регулирования, единой направленности и предназначения, о чем далее будет вестись

речь, а соответственно, не только предметных и функциональных, но также и структурных взаимосвязей уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка.

Среди ученых, исследовавших эту систему норм (как показывает анализ трудов, например, Я. Н. Ермоловича, О. К. Зателепина, С. Н. Шаропова и Н. А. Шулепова), нет единого понимания ее правовой сути, а соответственно, и ее места в правовой системе государства. В современной науке уголовного права выделяются как минимум четыре подхода: 1) «отраслевой» — состоит в том, что военно-уголовное право является самостоятельной отраслью права, предметом которой выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере охраны воинского правопорядка; 2) «дуалистический» — заключается в том, что военно-уголовное право является одновременно составной частью как уголовного, так и военного права и представляет собой комплексную отрасль права; 3) «подотраслевой» — предполагает выделение совокупности уголовно-правовых норм в специальную подотрасль уголовного права; 4) «институционный» — базируется на том, что в настоящее время нет оснований для выделения военно-уголовного права в отдельные отрасль или подотрасль, его образует единый уголовно-правовой институт, состоящий из нормативных предписаний, предусматривающих особенности уголовной ответственности и наказания военнослужащих и преступления против военной службы⁹.

Как представляется, установление истины в обозначенной проблеме должно основываться,

⁵ Паныко К. К. Теория и практика законотворчества в уголовном праве : монография. М. : Юрлитинформ, 2011. С. 31 ; Жук М. С. Теоретические основы построения системы институтов российского уголовного права. С. 24, 50 ; Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / предисл. А. В. Наумова. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. С. 133 ; Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. В. П. Бодаевского, В. М. Зиминой, А. И. Чучаева. М. : Проспект, 2018. С. 5–6.

⁶ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. С. 13.

⁷ См.: Ахметшин Х. М. Основные вопросы советского военно-уголовного законодательства : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1974. 386 с. ; Тер-Акопов А. А. Развитие системы советского военно-уголовного законодательства // 50 лет военно-юридического образования в СССР : сборник докладов научно-практической конференции. М., 1987. С. 113–122.

⁸ Правоведение : учебник для военных вузов / под ред. О. Ю. Ефремова. СПб. : Питер, 2015. С. 409.

⁹ Ермолович Я. Н. Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации : монография. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 335 ; Шаропов С. Н. Военно-уголовное право в системе отечественного права // Военно-уголовное право. 2007. № 3. С. 113–121 ; Он же. Военно-уголовное законодательство: новая дефиниция старого термина // Военное право. 2009. Вып. № 1. URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/3347>.

помимо прочих методов научного познания, на системном подходе, с учетом философских объективных установок. В качестве аргумента в пользу данного утверждения приведем высказывания В. В. Ершова, который отметил, что фундаментальным критерием научности любого знания начиная с XVII–XVIII вв. и до настоящего времени является исследование каких-либо явлений в системе их элементов. Соответственно, общая теория систем относится к основополагающим научным открытиям, является ключевым фактором в научном исследовании, определившим путь к новым взглядам и принципам¹⁰.

Анализ системы правовых норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка, на наш взгляд, необходимо начать с рассмотрения термина «система» и связанных с ним понятий, поскольку этот термин является основой в представлении об исследуемом объекте как структурно упорядоченном образовании.

Так как данное исследование ограничено узкими рамками изложения его результатов, мы не будем вступать в полемику при рассмотрении разных дискуссионных вопросов, поднимаемых в нем, а только раскроем их суть.

В специальной литературе высказываются различные точки зрения относительно того, что следует понимать под термином «система». В частности, В. Н. Садовский, исследовавший это понятие, приводит около 40 наиболее часто встречающихся в научных трудах определений¹¹. Как считают большинство отечественных ученых, на что обращает внимание А. Н. Аверьянов, из всей совокупности дефиниций данного понятия выделяется базисное, наиболее обоснованное и простое в понимании, которое сформулировано одним из основоположников теории систем Л. фон Берталанфи. В частности, под системой он предложил понимать

комплекс взаимодействующих элементов (или ограниченное множество взаимодействующих элементов)¹².

Для раскрытия понятия системы важен термин «элемент». Без него данное определение не имеет какой-либо значительной эвристической ценности. Основываясь на анализе научной литературы о теории систем, исходным (более обоснованным и удачным), на наш взгляд, может служить общее определение элемента системы, сформулированное Э. Г. Юдиным, под которым он понимал далее «неразложимый» ее компонент при соответствующем способе «расчленения», иными словами, он представляет собой минимальный компонент системы или максимальный предел ее «расчленения»¹³. Критериальное свойство такого элемента заключается в том, что эта составляющая (компонент) любой системы является тем необходимым «кирпичиком», из которого она строится. Без элементов, без какого-либо одного из них, ни одна система существовать не может¹⁴.

В теории уголовного права, впрочем, как и в общей теории права, отстаиваются разные подходы к тому, что следует понимать под элементом системы права. Так, М. С. Жук в качестве такого элемента рассматривает институт уголовного закона (права), М. С. Кириенко — правовое предписание и уголовно-правовую норму¹⁵, а В. П. Коняхин — нормативное предписание¹⁶. На наш взгляд, более убедительным представляется мнение С. С. Алексеева, который указал, что именно правовая норма является тем первичным и конечным структурным элементом права, который испытывает на себе изменения, в нем происходящие. Он считал, что «...благодаря своему универсальному, сквозному значению, норма права распространяет свои свойства и на другие уровни системы, служит точкой отсчета, единицей измерения правовой мате-

¹⁰ Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений : монография. М. : РГУП, 2018. С. 20.

¹¹ Садовский В. Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М. : Наука, 1974. С. 77–106.

¹² См.: Аверьянов А. Н. Системное познание мира. Методологические проблемы. М. : Политиздат, 1985. С. 43.

¹³ Юдин Э. Г. Системный подход и принцип реальности. Методологические проблемы современной науки. М. : Наука, 1978. С. 182–184.

¹⁴ Алексеев П. В., Панин А. В. Философия : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби, Проспект, 2003. С. 463–464.

¹⁵ Кириенко М. С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 101.

¹⁶ Коняхин В. П. Указ. соч. С. 144.

рии»¹⁷. При этом необходимо учитывать, что кроме норм — правил поведения к первичным элементам системы права также необходимо относить принципы права, его задачи, задачи правовых норм, определения правовых понятий и т.д. (их еще называют исходными, отправными или учредительными нормами). Вместе с нормами — правилами поведения они образуют правовые средства регулирования¹⁸. С позиции классической теории права, как утверждал С. С. Алексеев, эти средства «...не образуют каких-то особых, принципиально отличных от традиционных, зафиксированных догмой права, в общепринятом понятийном аппарате явлений правовой действительности. Это весь арсенал, спектр правовых феноменов различных уровней с той лишь особенностью, что они вычлняются и рассматриваются... с позиции их функционального предназначения, тех черт, которые характеризуют их как инструменты правового регулирования...»¹⁹.

Анализ изложенных подходов указывает, что проблема определения первичного структурного элемента системы уголовного права сводится к признанию таковым правовой нормы и нормативного предписания.

В юридической литературе до сих пор идут достаточно бурные дебаты относительно того, что представляет собой норма права. В связи с этим представляется необходимым процитировать выводы, сделанные В. Д. Переваловым в ходе исследования данной проблемы, который заметил, что в современной общей теории права норма права рассматривается как правило поведения²⁰. Однако «с долей условности и допуска к дискуссиям можно считать право-

выми нормами и те установления, которые не являются непосредственно правилами поведения, носят государственно-властный характер, закреплены в текстах нормативных правовых актов и прямо или косвенно затрагивают интересы, права и обязанности людей»²¹. Следовательно, уголовно-правовая норма, как указывает В. Д. Филимонов, — «это общеобязательное правило социального поведения, установленное государством, выраженное в уголовном законе и охраняемое органом государства путем контроля за его соблюдением и применением наказаний или иных мер уголовно-правового характера за совершение преступления»²².

В доктрине теории права принято выделять три элемента нормы права — гипотезу, диспозицию и санкцию. Все эти элементы, на что указывается в специальной литературе (например, Н. И. Матузовым, Л. А. Морозовой), должны всегда присутствовать в норме права, поскольку отсутствие хотя бы одного из них делает норму ущербной: «...без гипотезы норма бессмысленна, без диспозиции немыслима, без санкции бессильна». Соответственно, структура юридической нормы как логическая взаимосвязь гипотезы, диспозиции и санкции в обобщенном виде может быть представлена в виде формулы: «если — то — иначе (в противном случае)»²³. При этом диспозиция в общей теории права считается главным элементом нормы права, «серцевинной» заключенной в ней правила поведения²⁴.

Данная структура характерна для норм — правил поведения, однако она не свойственна учредительным нормам²⁵. В них сложно выделить привычные для нормы права части,

¹⁷ Теория государства и права : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / С. С. Алексеев, С. И. Архипов, Г. В. Игнатенко [и др.] ; отв. ред. В. Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2004. С. 270.

¹⁸ Ершов В. В. Указ. соч. С. 118–119.

¹⁹ Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. С. 313 ; Ершов В. В. Указ. соч. С. 119.

²⁰ См.: Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. С. С. Алексеева. М. : Норма, 2005. С. 233 ; Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Мазутова и А. В. Малько. М. : Юристъ, 1999. С. 316 ; Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2010. С. 176–177.

²¹ Перевалов В. Д. Нормы права: проблемы понимания и определения // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5. С. 10–18.

²² Филимонов В. Д. Норма уголовного права. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2004. С. 13.

²³ Теория государства и права / под ред. Н. И. Мазутова и А. В. Малько. С. 317 ; Теория государства и права / Л. А. Морозова. С. 180.

²⁴ Теория государства и права / под ред. Н. И. Мазутова и А. В. Малько. С. 317.

²⁵ Панько К. К. Указ. соч. С. 157.

поэтому их, как правило, относят к числу нормативно-правовых предписаний.

В системе права, на что указывает В. М. Сырых, между нормами действуют связи четырех уровней: 1) между элементами нормы права; 2) между нормами, объединенными в правовые институты; 3) между институтами соответствующей отрасли права; 4) между отдельными отраслями права. В крупных и сложных по составу отраслях права также возникают связи и на уровне подотраслей права — целостных образований, которыми регламентируются специфические виды отношений в пределах сферы правового регулирования отрасли права²⁶. При этом в теории права не принято делить отрасль права на общую и особенную части, данное деление свойственно только отраслям законодательства.

В юридической литературе отмечается, что в отличие от отрасли права в законодательстве словесные формулировки закона, выражающие содержание норм права, очень редко излагаются полностью, со всеми тремя элементами в одной статье, ее части, пункте или абзаце. Гораздо чаще они находятся в разных структурных частях нормативного правового акта²⁷. Именно таким образом, исходя из требований законодательной техники о простоте, компактности и удобстве применения уголовного закона, в нем отражаются уголовно-правовые нормы. Это обуславливает формирование частей одной и той же правовой нормы в виде нормативных предписаний в разных статьях как Общей, так и Особенной частей УК РФ. Общие для всех нормативных предписаний Особенной части уголовного законодательства элементы правовых норм, предусматривающие, например, задачи уголовного закона, основания уголовной ответственности, сферу его действия и круг субъектов уголовно-правовых отношений, размещены в Общей части УК РФ, тогда как его Особенная часть содержит исчерпывающий перечень составов преступлений, конкретные виды и размеры наказаний за их совершение, специальные виды освобождения от уголовной ответственности, дефиниции для уточнения описания конкретных преступлений и т.д.

Этот прием законодательной техники устраняет необходимость повторения общих нормативных предписаний в каждой статье Особенной части УК РФ, позволяет выделить предметно-функциональное назначение частей уголовного закона и лежит в основе так называемого универсального способа правового регулирования.

Применительно к изложенному в обоснование классического подхода к пониманию нормы права, систем права и законодательства, а также их структур С. С. Алексеев предложил ввести в научный оборот понятие логической нормы права как установленного логическим путем общего правила поведения, выражающего специфические связи между формально закрепленными предписаниями. Содержание логической нормы всегда выходит за пределы нормативного предписания и может быть уяснено лишь в результате анализа всей системы нормативных предписаний, отражающих элементы классической нормы права. Соответственно, структура логической нормы права всегда совпадает со структурой нормы — правила поведения. Логическая норма выражает способ (закон) связи правовой системы на уровне ее первичных элементов. Она обнаруживается в нескольких статьях нормативного акта или даже в разных нормативных актах²⁸.

Данная концепция понимания нормы права позволяет четко определить первоначальные элементы системы права и законодательства. Как отмечает В. М. Сырых, норма права — это элемент системы права, а нормативное предписание — элемент системы законодательства, под которым необходимо понимать цельное, логически завершенное и формально закрепленное в тексте нормативного правового акта властное веление правотворческого органа²⁹. С помощью него в законодательстве отражаются какая-либо часть (элемент) «классической» правовой нормы или те нормы, которые отличаются своеобразием структуры и в них нельзя выделить привычные для нормы права части (учредительные нормы)³⁰.

В теории к военно-уголовным принято относить правовые нормы, элементы которых отражены в уголовном законодательстве посред-

²⁶ См.: Сырых В. М. Теория государства и права : учебник. М. : Юстицинформ, 2001. С. 226, 230.

²⁷ Сырых В. М. Указ. соч. С. 125.

²⁸ Алексеев С. С. Структура советского права. М. : Юридическая литература, 1975. С. 31 ; Коняхин В. П. Указ. соч. С. 178–179.

²⁹ Сырых В. М. Указ. соч. С. 126.

³⁰ Теория государства и права / Л. А. Морозова. С. 179 ; Сырых В. М. Указ. соч. С. 126.

ством следующих нормативных предписаний: 1) о действии уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление на военном корабле или военном воздушном судне России (ч. 2 ст. 11 УК РФ); 2) о действии уголовного закона в отношении военнослужащих воинских частей России, дислоцирующихся за пределами РФ (ч. 2 ст. 12 УК РФ); 3) о лишении воинского звания и государственных наград (ст. 48 УК РФ); 4) о запрете назначения некоторых видов уголовных наказаний отдельным категориям военнослужащих (обязательных работ — ч. 4 ст. 49 УК РФ, исправительных работ — ч. 5 ст. 50 УК РФ, ограничения по военной службе — ст. 51 УК РФ, ограничения свободы — ч. 6 ст. 53 УК РФ, принудительных работ — ч. 7 ст. 53.1 УК РФ); 5) об аресте (ч. 3 ст. 54 УК РФ); 6) о содержании в дисциплинарной воинской части (ст. 55 УК РФ); 7) об обстоятельствах, отягчающих наказание военнослужащих за совершение преступления в условиях вооруженного конфликта или военных действий (п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ); 8) исчисление сроков специально-воинских наказаний и зачет воинского наказания (ст. 72 УК РФ); 9) об условном осуждении военнослужащих (ст. 73 УК РФ); 10) об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания лиц, отбывающих наказание в дисциплинарной воинской части (ст. 79 УК РФ); 11) о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания лицу, отбывающему наказание в дисциплинарной воинской части (ст. 80 УК РФ); 12) об освобождении от наказания в связи с болезнью военнослужащих, отбывающих арест либо наказание в дисциплинарной воинской части (ст. 81 УК РФ); 13) о преступлениях против военной службы (гл. 33 УК РФ)³¹.

Норма права, как было указано, является низовым звеном построения системы уголовного права. Образованием следующего, более высокого порядка, на что уже обращалось внимание, является уголовно-правовой институт. В общей теории права под правовым институтом принято понимать систему взаимо-

связанных норм, регулирующих относительно самостоятельную совокупность общественных отношений или какие-либо их компоненты, свойства³². Причиной возникновения нормативно-правовых институтов служит «...некоторая специфичность одной группы общественных отношений по сравнению с другими...»³³. Значение выделения и классификации правовых институтов, как верно указал С. С. Алексеев, заключается не только в углублении научных представлений о строении права и его отраслей, но и в эффективном правоприменении посредством оптимизации поиска и уяснения правоприменителем содержания всех необходимых для принятия решений норм³⁴.

Раскрывая юридический критерий обособления той или иной совокупности правовых норм в конкретный правовой институт, В. М. Сырых приводит в качестве такового три условия: 1) наличие юридического единства правовых норм, составляющих правовой институт (наличие, например, единства их содержания); 2) наличие полноты регулирования определенной совокупности общественных отношений (наличие способности конкретной совокупности правовых норм как правового института выполнять присущие последнему функции); 3) обособление норм, образующих правовой институт, в главах, разделах, частях и иных структурных единицах нормативных правовых актов³⁵.

На наш взгляд, исходя из проблематики нашего исследования, третье условие требует некоторого пояснения. Как указывается в юридической литературе, в этом условии речь ведется о формальной определенности норм права — о необходимости закрепления содержания правовой нормы письменным документом (нормативным правовым актом), что и отличает ее от норм морали, обычаев, которые существуют только в народном сознании и не имеют каких-либо официально закрепляющих источников, т.е. нормы, образующие правовой институт, должны в обособленном виде находить свое отражение в соответствующих структурных единицах нормативного правового акта³⁶. По этому

³¹ См.: Ермолович Е. Н. Дифференциация уголовной ответственности военнослужащих : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 43–44.

³² Сырых В. М. Указ. соч. С. 226.

³³ Сырых В. М. Указ. соч. С. 227.

³⁴ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 3 ; Пудовочкин Ю. Е. Уголовное право: понятие, предмет, метод, система и задачи // Энциклопедия уголовного права. 2-е изд. СПб., 2008. Т. 1 : Понятие уголовного права. С. 214.

³⁵ Сырых В. М. Указ. соч. С. 119.

³⁶ Сырых В. М. Указ. соч. С. 119.

основанию в теории права выделяют институты: а) изложенные в виде отдельного нормативного правового акта — соответствующие по форме структурному подразделению нормативного правового акта (что бывает довольно редко); являющиеся частью структурного подразделения нормативного правового акта; объединяющие нормы нескольких структурных подразделений нормативного правового акта (наиболее распространенная их форма); б) изложенные в нескольких нормативных правовых актах³⁷.

Как отмечает по данному поводу М. С. Жук, трудно согласиться с мнением тех ученых, которые считают, что правовые нормы могут образовывать институт только в том случае, если они обособлены исключительно в соответствующей главе, разделе или части нормативного правового акта. Такая позиция полностью отождествляет системы права и законодательства, демонстрирует грубый, примитивный нормативизм и не только нарушает базовые философские правила, но и противоречит требованиям системного подхода³⁸.

В юридической литературе отмечается, что военно-уголовные нормы современного отечественного уголовного права должны образовывать три института, обеспечивающих охрану воинского правопорядка. Первый из них относится к регулятивным правовым институтам и закрепляет особенности уголовной ответственности военнослужащих³⁹; второй обладает охранительным характером, конкретизирует указанные особенности и осуществляет охрану воинского правопорядка в мирное время⁴⁰; третий задекларирован в ч. 3 ст. 331 УК РФ и еще только формируется, он должен осуществлять охрану воинского правопорядка от преступлений, совершаемых в военное время или в боевой обстановке⁴¹.

В общих чертах эти институты можно представить следующим образом: 1) институт уголовной ответственности военнослужащих; 2) институт ответственности за преступления, совершаемые против воинского правопорядка в мирное время; 3) институт ответственности за преступления, совершаемые против воинского правопорядка в военное время и в боевой обстановке.

Первый из перечисленных институтов образован специальными правовыми нормами, полностью состоящими из элементов, которые отражены в уголовном законодательстве посредством нормативных предписаний, изложенных в ч. 2 ст. 11, ч. 2 ст. 12, ст. 48, ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50, ст. 51, ч. 6 ст. 53, ч. 7 ст. 53.1, ч. 3 ст. 54, ст. 55, п. «л» ч. 1 ст. 63, ст. 72, 73, 79–81, в других предписаниях статей Общей части УК РФ, а также в ч. 1 и 3 ст. 331 УК РФ (предписания содержащие определение преступлений против военной службы и декларацию о военно-уголовном законе военного времени). Перечисленные предписания и содержащие их статьи предусмотрены разными главами, разделами и даже частями УК РФ.

Подобные правовые нормы, исходя из градации их по функциональной роли в правовом регулировании, предложенной М. И. Байтиным, в теории права принято относить к «общим нормам». Они отличаются от других правовых норм степенью общности и сферой действия, т.е. распространяются на все или большую часть институтов соответствующей отрасли права⁴². По мнению В. Д. Филимонова, установление этих норм социально обусловлено потребностью правового регулирования общественных отношений между государством с одной стороны, и лицом, совершившим преступление, — с другой. Особенность такого регулирования состоит в том, что указанные

³⁷ См.: *Киримова Е. А.* Правовой институт: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 20–21.

³⁸ *Жук М. С.* Теоретические основы построения системы институтов российского уголовного права. С. 7–8.

³⁹ См.: *Шарапов С. Н.* Военно-уголовное право в системе отечественного права. С. 113–121 ; *Он же.* Военно-уголовное законодательство: новая дефиниция старого термина.

⁴⁰ См.: *Шарапов С. Н.* Военно-уголовное право в системе отечественного права. С. 113–121 ; *Военно-уголовное право : учебник / Х. М. Ахметшин [и др.] ; под ред. Х. М. Ахметшина, О. К. Зателепина ; Военный ун-т. М. : За права военнослужащих, 2008. С. 308 ; Шулепов Н. А.* Теоретические основы реализации уголовной ответственности военнослужащих : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 140–149.

⁴¹ *Военно-уголовное право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. В. Ершова, В. В. Хомчика. М. : РГУП, 2020. С. 39.*

⁴² *Теория государства и права / под ред. Н. И. Мазутова и А. В. Малько. С. 325.*

общественные отношения подвергаются правовому регулированию не непосредственно, а путем регулирования деятельности суда, осуществляющего правосудие⁴³. В отличие от правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение конкретного преступления, указанные нормы определяют лишь обязательность наступления уголовной ответственности, вид и пределы того наказания, которое может быть назначено за совершение преступления⁴⁴.

Следовательно, образование такими нормами, содержащими военную составляющую, института уголовной ответственности военнослужащих обусловлено необходимостью регулирования деятельности суда, связанной с обязанностью и особенностями наступления уголовной ответственности у военнослужащих, совершивших преступление, и определением вида того наказания, которое может быть им назначено. В этом, собственно, проявляется юридическое единство правовых норм, входящих в институт уголовной ответственности военнослужащих. Корреспондируемость в уголовном законе составных частей правовых норм данного института между собой и с частями норм других правовых институтов имеет свое выражение в выполнении ими (согласно концепции, предложенной В. П. Коняхиным⁴⁵) функций: гипотезы (полностью или ее части, если нормативные предписания, с которыми она взаимодействует, также содержат часть гипотезы соответствующей правовой нормы), диспозиции (полностью или ее части) и санкции (полностью или ее части), что позволяет формально закрепить анализируемые нормы и образуемый ими институт, а также другие правовые институты, обеспечивающие уголовно-правовую охрану воинского правопорядка. При этом одно и то же предписание может выполнять разные функции — как элемент той или иной нормы.

Касательно данного утверждения необходимо отметить, что в теории уголовного права нет

единого мнения, что следует понимать под гипотезой охранительной нормы. Наиболее распространенными являются три подхода к этой проблеме. Согласно первому, гипотезой охранительной нормы признается предписание об основании уголовной ответственности, сформированное в ст. 8 УК РФ (его отстаивают, например, А. В. Наумов⁴⁶ и А. И. Чучаев⁴⁷). Сторонники второго подхода (в частности, В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев, А. Н. Тарбагаев) отдают роль гипотезы почти всем предписаниям Общей части УК РФ⁴⁸. Третий подход разрабатывается В. Д. Филимоновым: он предполагает в качестве гипотезы совокупность условий, отображенных предписаниями Общей части УК РФ об определенном месте и времени совершения преступления (ст. 9–12 УК РФ), о вменяемости и возрасте уголовной ответственности (ст. 19–23 УК РФ), а также об отсутствии обстоятельств, исключающих преступность деяния (ст. 37–42 УК РФ)⁴⁹.

На наш взгляд, более обоснованным выглядит третий подход, поскольку при таком понимании гипотезы «...под диспозицией нормы должно подразумеваться содержащееся в этой правовой норме требование к гражданам не совершать указанное в ней преступление, а под санкцией — та ее часть, которой предусмотрено наказание за его совершение»⁵⁰. Между тем мы считаем, что для рассматриваемых правовых норм гипотезой должны выступать по тем же основаниям условия, предусмотренные предписаниями о действии уголовного законодательства применительно к военнослужащим в пространстве (ч. 2 ст. 11, ч. 2 ст. 12 УК РФ) и о действии в отношении военнослужащих законодательства военного времени (ч. 3 ст. 331 УК РФ).

В свою очередь, нормативные предписания о понятии преступлений против военной службы (ч. 1 ст. 331 УК РФ) содержат признаки этих преступлений, которые дополняют диспозиции

⁴³ Филимонов В. Д. Указ. соч. С. 242.

⁴⁴ Филимонов В. Д. Указ. соч. С. 242.

⁴⁵ Коняхин В. П. Указ. соч. С. 182–183.

⁴⁶ Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. М. : Спарк, 2001. С. 118.

⁴⁷ Чучаев А. И. Уголовный закон // Российское уголовное право. Общая часть : в 2 т. / под ред. А. И. Рарога. М. : Профобразование, 2001. Т. 1. С. 24.

⁴⁸ Прохоров В. С., Кропачев Н. И., Тарбагаев А. Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. С. 68–114.

⁴⁹ Филимонов В. Д. Указ. соч. С. 22.

⁵⁰ Филимонов В. Д. Указ. соч. С. 22.

норм, закрепленные в статьях гл. 33 УК РФ, и конкретизируются в них, а нормативные предписания об особенностях назначения уголовных наказаний военнослужащим (ст. 48, ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50, ст. 51, ч. 6 ст. 53, ч. 7 ст. 53.1, ч. 3 ст. 54, ст. 55, п. «л» ч. 1 ст. 63, ст. 72 УК РФ) и об освобождении военнослужащих от наказания (ст. 73, 79–81 УК РФ) дополняют своим содержанием санкции как военно-уголовных, так и общеуголовных охранительных норм при применении их к военнослужащим.

В рамках анализируемого института можно выделить и ряд субинститутов, которые, согласно общей теории права, могут состоять из одной или нескольких правовых норм, а в некоторых случаях — из нескольких однопорядковых предписаний: о действии уголовного законодательства в отношении военнослужащих в военное время (ч. 3 ст. 331 УК РФ); о действии уголовного законодательства применительно к военнослужащим в пространстве (ч. 2 ст. 11, ч. 2 ст. 12 УК РФ); об особенностях назначения уголовных наказаний военнослужащим (ст. 48, ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50, ст. 51, ч. 6 ст. 53, ч. 7 ст. 53.1, ч. 3 ст. 54, ст. 55, п. «л» ч. 1 ст. 63, ст. 72 УК РФ); об освобождении военнослужащих от наказания (ст. 73, 79–81 УК РФ).

Правовые нормы, образующие институт ответственности за преступления, совершаемые против воинского правопорядка в мирное время, в отличие от тех, что регулируют применение уголовной ответственности, адресованы прежде всего военнослужащим, нарушившим уголовно-правовой запрет, воздействуют на их сознание и поведение. В уголовном законе основные части их диспозиций, включающие составы определенных преступлений, и санкций, предусматривающих конкретные виды уголовных наказаний и их размеры, закреплены в его Особенной части, а основная часть гипотезы, как уже отмечалось, размещена в Общей части УК РФ.

В отечественной уголовно-правовой доктрине практически общепризнанным является утверждение о том, что основным критерием выделения охранительных институтов уголовного права выступает объект уголовно-правовой охраны⁵¹. Как указал в свое время Б. С. Никифоров, Особенная часть УК РФ потому и делится на главы, что преступления, включенные в каждую главу, имеют общий для них

всех объект⁵². Центральное место в правовом институте, осуществляющем охрану воинского правопорядка в мирное время, занимают нормы, диспозиции и санкции которых описаны в разд. XI «Преступления против военной службы» Особенной части УК РФ. Данный раздел содержит всего одну главу — 33, с таким же названием, указывая тем самым на то, что законодатель отождествляет родовой и видовой объекты этих преступлений. В науке же и на практике все преступления против военной службы, предусмотренные гл. 33 УК РФ, в зависимости от элементов воинского правопорядка (видовых объектов этих преступлений), делятся: 1) на преступления против порядка воинских уставных взаимоотношений (ст. 332–336 УК РФ); 2) преступления против порядка пребывания на военной службе (ст. 337–339 УК РФ); 3) преступления против порядка несения специальных (охранных) видов военной службы (ст. 340–344 УК РФ); 4) преступления против порядка обеспечения живучести военного корабля (ст. 345 УК РФ); 5) преступления против порядка сбережения военного имущества (ст. 346–348 УК РФ); 6) преступления против порядка использования военно-технических средств (ст. 349–352 УК РФ). Каждая группа правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за перечисленные преступления, образует соответствующий субинститут.

Существование третьего из перечисленных правовых институтов, обеспечивающих охрану воинского правопорядка от преступлений, совершаемых в военное время или в боевой обстановке, как отмечалось, предусмотрено частью 3 ст. 331 УК РФ, где указывается: «Уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени». Приведенная формулировка, по мнению многих российских ученых, позволяет считать, что ответственность за эти преступления будет определяться не уголовным законом, а законодательством военного времени. Вместе с тем, на наш взгляд, в этом предписании речь ведется не о том, что законодательство военного времени будет состоять из самостоятельного нормативного акта и тем более иметь иную отраслевую принадлежность, а об условиях его применения. Эти условия исключают

⁵¹ Жук М. С. Теоретические основы построения системы институтов российского уголовного права. С. 55.

⁵² Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1960. С. 112.

действие предписаний института, обеспечивающего охрану воинского правопорядка в мирное время и не в условиях боевой обстановки, и должны стать гипотезой для будущих диспозиций и санкций норм института, обеспечивающего охрану воинского правопорядка в военное время и в условиях боевой обстановки.

Рассматриваемый институт социально обусловлен, имеет давние корни законодательного закрепления в России, длительную практику применения и достаточно большой багаж научных разработок.

В теории уголовного права, как указывают Г. И. Загорский и Ю. А. Зюбанов, уголовно-правовые нормы, которые должны применяться в военное время или в боевой обстановке, принято классифицировать на два вида: а) нормы, предусматривающие ответственность за преступления, совершающиеся только в условиях военного времени или в боевой обстановке (например, к таким преступлениям по ранее действовавшему законодательству относились: добровольная сдача в плен, мародерство, самовольное оставление поля боя, преступления против законов и обычаев войны и т.п.); б) нормы, устанавливающие более строгую ответственность за преступления, предусмотренные действующим военно-уголовным законодательством (ст. 332–352 УК РФ), но совершенные в военное время или в боевой обстановке⁵³.

Данные нормы также принято относить к охранительным уголовно-правовым нормам. Как представляется, работа над их законодательным закреплением должна вестись по трем направлениям:

- 1) дополнение соответствующими военно-уголовными нормами института уголовной ответственности военнослужащих — с учетом новейшей практики ведения боевых операций российскими воинскими контингентами за пределами страны пересмотреть подход к принципам действия уголовного закона в пространстве; пересмотреть субъектный состав указанных преступлений (приравнять участников отрядов сопротивления и ополчения, других лиц, участвующих в вооруженном конфликте либо в боевых (военных) операциях совместно с Вооруженными Силами, к военнослужащим на указанный

период); пересмотреть перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, и основания освобождения от уголовной ответственности и наказания в условиях военного времени или в боевой обстановке, а также иные предписания Общей части УК РФ;

- 2) обособленное законодательное закрепление уголовно-правовых предписаний, устанавливающих запреты преступлений, совершаемых в военное время или в боевой обстановке;

- 3) усовершенствование военно-уголовных норм, предписания которых закреплены в гл. 33 Особенной части УК РФ, путем дополнения их предписаниями, содержащими соответствующие квалифицированные и особо квалифицированные составы преступлений.

При этом учету подлежат современные потенциальные риски и угрозы безопасности страны, определяющие развитие Вооруженных Сил и военного комплекса, а также как отечественный опыт законотворчества, прежде всего СССР, следственной и судебной практики России, связанной с применением Вооруженных Сил и других воинских формирований РФ в миротворческих операциях и в кавказских событиях, так и зарубежный опыт.

Рассматривая изложенное, исходя из положений общей теории систем, можно выделить следующие типологические характеристики и интегративные свойства системы норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану воинского правопорядка.

По своему типу указанная система относится к открытым системам, поскольку, являясь неотъемлемой частью уголовного права, находится в постоянном взаимодействии со всеми его составляющими, а также с системой военного права, имеет присущие системам данного типа «вход» и «выход» (точки соприкосновения с внешней средой)⁵⁴. Основные параметры «входа» заданы теми криминальными вызовами и угрозами воинскому правопорядку, которые возникают среди военнослужащих, на конкретном этапе развития Вооруженных Сил и других воинских формирований РФ. Преобразование этих вызовов системой исследуемых военно-уголовных норм на «выходе» дает результат в

⁵³ Военная юстиция в России: история и современность. 2-е изд., перераб и доп. / под ред. В. В. Ершова, В. В. Хомчика. М.: РГУП, 2017. С. 471.

⁵⁴ Теория систем и системный анализ: учеб. пособие / В. Н. Чернышов, А. В. Чернышов. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. С. 47.

виде предупреждения преступлений, совершаемых военнослужащими, и обеспечения охраны воинского правопорядка от преступных посягательств на него этих лиц.

Неотъемлемость системы военно-уголовных норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка, от системы уголовного права России и их постоянное взаимодействие находят свое подтверждение в том, что между каждой правовой нормой, образующей институты этой системы, и нормами других институтов уголовного права России действует множество системообразующих связей, преимущественно это связи субординации и координации. Связи субординации указывают на то, что нормы институтов уголовного права, обеспечивающие воинский правопорядок, являются специальными по отношению к нормам иных институтов уголовного права. Их соотношение можно представить, используя принцип «общее — особенное — специальное». В случае возникновения между ними конкуренции преимущество, согласно общим правилам ее преодоления, отдается более специальной норме в порядке субординации. При этом предписания Общей части УК РФ имеют преимущество перед предписаниями его Особенной части.

Суть же координационных связей заключается в дополнении содержания одной нормы содержанием другой (военно-уголовные нормы дополняют друг друга, а также общеуголовные нормы, и наоборот). Особенно ярко такие связи проявляются между регулятивными военно-уголовными и охранительными общеуголовными нормами. Координационные связи позволяют учесть воинскую составляющую в преступлениях, запрещаемых общеуголовными нормами, поскольку применение этих норм к военнослужащим всегда должно осуществляться с учетом регулятивных военно-уголовных правовых норм, что позволяет обеспечить охрану не только соответствующих элементов общего правопорядка, но и элементов воинского правопорядка, вытекающих, например, из общегражданского быта и общежития, общедолжностных обязанностей и полномочий, соблюдение которых возложено на каждого военнослужащего независимо от того, выполняет ли он в соответствующий момент обязанности

военной службы или же временно их не выполняет (находится в отпуске, госпитале и т.д.)⁵⁵. В этих случаях соответствующие элементы воинского правопорядка возникают отдельно от основного обязательного объекта, но претерпевают вред совместно с ним. Они не указываются в диспозициях статей и не влияют на квалификацию таких деяний. В уголовном законе предусмотрен и ряд норм, устанавливающих ответственность за совершение общеуголовных преступлений, в которых их объект относится к так называемым универсальным общественным отношениям, охватывающим соответствующие элементы воинского правопорядка. Например, общественные отношения, составляющие основу информационной безопасности государства, охватывают воинский порядок хранения государственной тайны, а установленный порядок оборота оружия включает воинский порядок сбережения оружия. В преступлениях, посягающих на универсальные общественные отношения, наличие элементов воинского правопорядка или их отсутствие влияет на квалификацию таких деяний, что дает основание, как утверждают специалисты в сфере военно-уголовного права, относить их к воинским преступлениям⁵⁶. В ранее действовавшем уголовном законодательстве ответственность за посягательства на некоторые из указанных общественных отношений предусматривалась военно-уголовными нормами.

В обоих случаях установления ответственности военнослужащих за совершение общеуголовных преступлений общественная опасность посягательств на воинский правопорядок учитывается при назначении уголовного наказания не только санкциями соответствующих норм, но и, как отмечалось, введением правовых норм, ограничивающих применение к военнослужащим некоторых видов общеуголовных наказаний и возможностью их замены на специально-воинские уголовные наказания, либо иные общеуголовные наказания, не имеющие ограничений применения к военнослужащим.

Мы уже указывали, что основным элементом анализируемой системы выступает классическая норма права. Все правовые нормы, составляющие эту систему, как регулятивные, так и охранительные, относятся к бланкетным,

⁵⁵ См.: Бодаевский В. П. Общественная опасность деяния как критерий, детерминирующий особенности правового регулирования уголовной ответственности военнослужащих // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 90.

⁵⁶ Ермолович Е. Н. Указ. соч. С. 43–44.

т.е. к нормам права, содержание которых раскрывается в нормах иной отраслевой принадлежности, прежде всего военного права. Например, для применения указанных норм важны понятия военнослужащего, военной службы, начала и окончания ее прохождения и т.д., раскрываемые военным правом. Между такими правовыми нормами действуют адаптационные и гомеостазные связи. Адаптация — это одно из важнейших функциональных условий, которому должны отвечать все системы; способ сохранения идентичности системы, представляющий собой реактивное поведение, связанное с приспособлением к окружающей среде; для УК РФ (в том числе и для системы военно-уголовных правовых норм) это внешние факторы в виде политики, экономики, правоприменительной и правотворческой деятельности и т.д.⁵⁷ Содержание норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану воинского правопорядка, позволяет без внесения в них каких-либо изменений и без утраты ими своего функционального предназначения учитывать изменения, происходящие в военно-правовых и других нормах иной отраслевой принадлежности. Однако для сохранения системности и функциональности совокупности анализируемых правовых норм одних лишь адаптационных связей недостаточно. Для обеспечения стабильности и сбалансированности действуют гомеостазные связи, проявляющиеся в разграничении сферы применения уголовно-правовых норм. Например, статья 351 УК РФ относит к преступлениям против военной службы нарушения правил полетов или подготовки к ним либо иных правил эксплуатации военных летательных аппаратов, а статья 263 УК РФ нарушения правил безопасности и эксплуатации воздушного транспорта относит к преступлениям против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Важными для стабильности и функционирования любой системы права на всех уровнях являются конфронтационные связи — отражающие одну из разновидностей юридического конфликта. На такие связи влияют внешние факторы воздействия, они не включены в исследуемую систему, а потому «изначально» конфликтны с ней. Как констатирует М. С. Кири-

енко, данные связи могут быть классифицированы на объективные и субъективные.

Объективными, по его мнению, могут быть только внешние связи⁵⁸. Например, в абз. 1 ст. 82 Женевской конвенции об обращении с военнопленными (1949 г.) военнопленные подчиняются законам, уставам и приказам, действующим в вооруженных силах держащей их в плену державы. Последняя будет иметь право принять судебные или дисциплинарные меры в отношении любого военнопленного, совершившего нарушение этих законов, уставов или приказов. Из данного предписания следует, что военнопленный может быть субъектом воинских преступлений, не являясь военнослужащим страны, в плену которой он пребывает. Вместе с тем указанное требование международного права не отображено в действующем УК РФ.

Субъективными конфронтационными или случайными связями являются конфликтные межэлементные связи, возникающие внутри уголовного закона. Выступая специфическим отражением действительности, элементы системы несут на себе отпечаток происхождения: особенности идеологии или доктрины, следы мировоззренческих установок создателей генетической основы, а также результаты субъективного усмотрения законодателя⁵⁹. Например, пунктом «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ предусмотрено отягчающее обстоятельство, заключающееся в совершении преступления в условиях вооруженного конфликта или военных действий. Вооруженный конфликт (прежде всего международный) или военные действия между государствами связаны с военным временем и боевой обстановкой. Часть 3 ст. 331 УК РФ определяет, что уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством РФ военного времени.

В целом внутренние конфронтационные связи обусловлены конкретно-историческими условиями существования той или иной правовой системы, качества законотворческой деятельности и успешно устраняются законодателем⁶⁰.

Как отмечается в юридической литературе, эти же связи действуют на уровне не только

⁵⁷ Кириенко М. С. Указ. соч. С. 128.

⁵⁸ Кириенко М. С. Указ. соч. С. 126–127.

⁵⁹ Кириенко М. С. Указ. соч. С. 127–128.

⁶⁰ См.: Кириенко М. С. Указ. соч. С. 128.

уголовно-правовых норм⁶¹, но и институтов⁶², а также подотраслей⁶³.

Необходимо согласиться с М. С. Жуком в том, что их наличие, качество и учет в законодательстве служат важным условием обеспечения эффективности и качества всей системы институтов уголовного права⁶⁴. Именно поэтому в свое время Э. С. Тенчов справедливо отметил значение для формирования системы уголовно-правовых институтов принципа согласованности как между собой, так и с предписаниями иной отраслевой принадлежности, который предполагает отсутствие противоречий уголовно-правовых норм, наличие между ними прежде всего координационных и субординационных связей, разделение их уголовно-правовых предписаний на относящиеся к Общей и Особенной частям уголовного закона⁶⁵.

Внутри системы норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану воинского правопорядка, также действует множество системных связей, среди которых можно выделить наиболее значимые — системообразующие связи. К таковым в первую очередь необходимо отнести: генетические (связи порождения), координации, субординации и структурные внутрисистемные связи. Эти связи в совокупности, как и внешние связи, на что обращает внимание М. С. Жук, поддерживают гомеостаз исследуемой системы и ее адаптацию к изменяющимся внешним условиям⁶⁶.

Генетические взаимосвязи наблюдаются между правовыми нормами, обеспечивающими охрану воинского правопорядка, на всех уровнях образуемой ими системы, т.е. не только между этими нормами, но и между включающими их институтами. Возникновение таких связей предопределено взаимообусловленностью регулируемых и охраняемых ими общественных отношений. Их существо-

вание поясняется и тем, что появление регулятивных уголовно-правовых норм обусловлено формированием охранительных норм и обеспечением их применения, что, в свою очередь, позволяет говорить и о действии между ними функциональных связей. Кроме того, немаловажное значение имеют внутренние субординационные и координационные связи между нормами рассматриваемых институтов, поскольку охранительные нормы конкретизируют и детализируют регулятивные нормы, но в то же время они дополняют друг друга. Это означает, что указанные нормы обладают ярко выраженным комплексным характером и должны применяться во взаимодействии друг с другом, что находит свое отражение в структурно-внутренних связях (связях строения). К сожалению, в действующем уголовном законе эти связи носят не столько объективный, сколько субъективный характер.

Объективный характер этих связей проявляется в том, что система норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка, представляет собой существующую в объективной действительности, как уже отмечалось, неизолированную и подверженную воздействию внешних факторов систему правовых норм. Структурные связи между ними можно представить как связи необходимости и достаточности при двух формах их выражения — дизъюнктивности и конъюнктивности. При этом структурные зависимости на уровне взаимодействия отдельных правовых норм и более крупных системных образований (институтов) характеризуются параллельными и последовательными связями. Однако характеристика межэлементных закономерностей системы правовых норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану воинского правопорядка, обладает рядом особенностей. Так, ее структура преимущественно зависит

⁶¹ Безверхов А. Г. Системный подход в науке уголовного права // Системность в уголовном праве : материалы II Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая — 1 июня 2007 г. М. : Проспект, 2007. С. 52.

⁶² Елисеев С. А. Понятие системы Особенной части уголовного права // Системность в уголовном праве. С. 134.

⁶³ Кириенко М. С. Указ. соч. С. 118 ; Жук М. С. Теоретические и прикладные проблемы взаимосвязи Общей и Особенной частей уголовного права // Российское правосудие. 2010. № 12. С. 57.

⁶⁴ Жук М. С. Теоретические основы построения системы институтов российского уголовного права. С. 20–21.

⁶⁵ Тенчов Э. С. О принципах и основаниях закрепления в законе системы уголовно-правовых институтов // Направления уголовной политики в борьбе с преступностью : межвузовский сборник научных трудов. Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1986. С. 20–23.

⁶⁶ Жук М. С. Теоретические основы построения системы институтов российского уголовного права. С. 17.

от предметно-функционального предназначения — обеспечения уголовно-правовой охраны воинского правопорядка в мирное и военное время, которое включает регулирование уголовной ответственности за посягательства на этот правопорядок и его уголовно-правовую охрану. Именно этим данная система прежде всего и отличается от других элементных образований как уголовного, так и иных отраслей права. В то же время регулирование уголовной ответственности военнослужащих и уголовно-правовая охрана воинского правопорядка полностью охватываются предметом уголовного права, поскольку преступность и наказуемость деяния, как уже отмечалось, должны устанавливаться только этой отраслью права и законодательства. Иной подход привел бы к дроблению предмета уголовного права и образованию множества новых уголовно-правовых отраслей права и законодательства (ювенально-уголовного, экономического, экологического, служебно-уголовного и т.д.). Очень удачно применительно к уголовному законодательству высказался С. М. Шарапов, указав, что одна отрасль права не может включать другую. И тем более уголовное законодательство, состоящее из одного нормативного акта (уголовного кодекса), не может содержать в себе «неотделимые» от него предписания какого-либо другого законодательства⁶⁷.

Субъективный характер структурных внутрисистемных связей проявляется в приемах формирования уголовно-правовых предписаний на законодательном уровне и всецело зависит от законодателя. Этот характер, как отмечается в юридической литературе, при соблюдении законов логики и правил законодательной техники непосредственно влияет на создание соответствующих законодательных структурных образований, как, впрочем, и всей системы уголовного закона, а на основании учета генетических, субординационных, координационных и других связей устанавливает их правовую суть и место в системе⁶⁸.

На наш взгляд, только односторонним субъективным подходом законодателя к формальному закреплению системы анализируемых правовых норм можно пояснить тот факт, что данная система, без учета объективной действительности ее существования и вопреки ей, до сих пор полностью структурно не выделена

в действующем УК РФ, что никаким образом не способствует не только эффективности, но даже возможности правильного применения указанных правовых институтов.

Основываясь на вышеизложенном, логично считать, что исследуемая система правовых норм представляет собой подотрасль уголовного законодательства (или увеличенный институт законодательства), ее содержание несколько уже содержания отрасли законодательства и шире содержания обычного института законодательства, что проявляется в объеме предмета правового регулирования этого нормативного образования.

Что касается терминов «военно-уголовное право» и «военно-уголовное законодательство», то, по распространенному среди отечественных ученых мнению, их существование обусловлено не столько правовой природой системы анализируемых институтов и их местом в отечественной системе права, сколько данью традиции, а также адаптацией (привыканием) к ним общественного сознания. С точки зрения Я. Н. Ермоловича, эти термины исторически устоявшиеся и являются общепонятными⁶⁹. Они лаконичны и просты в понимании, повсеместно используются как в теории, так и в практике и способны донести специфику назначения системы военно-уголовных норм.

Таким образом, подводя итоги изложенному, мы можем с уверенностью констатировать, что в уголовном праве существует система военно-уголовных норм. Эта система по своему типу относится к открытым системам, поскольку даже в условиях частичного ее выделения в структуре уголовного закона она способна реагировать на внешнюю среду через точки соприкосновения с ней — «вход» и «выход». Параметры «входа» ориентированы на вызовы и угрозы воинскому правопорядку, преобразование которых на «выходе» дает результат в виде предупреждения преступлений, совершаемых военнослужащими, и обеспечения уголовно-правовой охраны воинского правопорядка.

Данная система основана на множестве внешних и внутренних связей ее элементов и более крупных образований. Среди указанных связей выделяются генетические (связи порождения), координации, субординации и структурные внутрисистемные связи, которые

⁶⁷ Шарапов С. Н. Военно-уголовное законодательство: новая дефиниция старого термина.

⁶⁸ См.: Кириенко М. С. Указ. соч. С. 129.

⁶⁹ Ермолович Я. Н. Указ. соч. С. 342.

в своей совокупности обеспечивают существование и функционирование системы военно-уголовных норм.

Структура этой системы зависит от предметно-функционального предназначения — обеспечения уголовно-правовой охраны воинского правопорядка в мирное и военное время. Соответственно, военно-уголовные нормы группируются в следующие правовые институты: 1) уголовной ответственности военнослужащих; 2) уголовной ответственности за преступления

против воинского правопорядка, совершаемые в мирное время; 3) уголовной ответственности за преступления против воинского правопорядка, совершаемые в военное время и в боевой обстановке.

Анализ интегративных свойств исследованной системы, ее типологическая характеристика и предметно-функциональное назначение позволяют сделать вывод, что эта система военно-уголовных норм представляет собой подотрасль уголовного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аверьянов А. Н.* Системное познание мира. Методологические проблемы. — М. : Политиздат, 1985. — 263 с.
2. *Алексеев П. В., Панин А. В.* Философия : учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : ТК Велби, Проспект, 2003. — 608 с.
3. *Алексеев С. С.* Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования. — М. : Статут, 1999. — 710 с.
4. *Алексеев С. С.* Структура советского права. — М. : Юридическая литература, 1975. — 264 с.
5. *Безверхов А. Г.* Системный подход в науке уголовного права // Системность в уголовном праве : материалы II Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая — 1 июня 2007 г. — М. : Проспект, 2007.
6. *Бодаевский В. П.* Общественная опасность деяния как критерий, детерминирующий особенности правового регулирования уголовной ответственности военнослужащих // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2019. — Т. 5 (71). — № 3. — С. 88–95.
7. *Военная юстиция в России: история и современность.* — 2-е изд., перераб и доп. / под ред. В. В. Ершова, В. В. Хомчика. — М. : РГУП, 2017. — 564 с.
8. *Военно-уголовное право : учебник / Х. М. Ахметшин [и др.] ; под ред. Х. М. Ахметшина, О. К. Зателепина.* — М. : За права военнослужащих, 2008. — 384 с.
9. *Военно-уголовное право : учебник.* — 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. В. Ершова, В. В. Хомчика. — М. : РГУП, 2020. — 624 с.
10. *Демин А. В.* Система российского права: тенденции и перспективы // Системность в праве / под ред. Н. Л. Клык. — Красноярск : Универс, 2002. — С. 6–20.
11. *Елисеев С. А.* Понятие системы Особенной части уголовного права // Системность в уголовном праве : материалы II Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая — 1 июня 2007 г. — М. : Проспект, 2007.
12. *Ермолович Е. Н.* Дифференциация уголовной ответственности военнослужащих : монография. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 288 с.
13. *Ермолович Я. Н.* Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации : монография. — М. : Юрлитинформ, 2012. — 576 с.
14. *Ершов В. В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений : монография. — М. : РГУП, 2018. — 628 с.
15. *Жук М. С.* Теоретические и прикладные проблемы взаимосвязи Общей и Особенной частей уголовного права // Российское правосудие. — 2010. — № 12. — С. 54–64.
16. *Жук М. С.* Теоретические основы построения системы институтов российского уголовного права : монография / под ред. В. П. Коняхина. — Краснодар : Кубанский гос. ун-т, Просвещение-Юг, 2011. — 127 с.
17. *Кириенко М. С.* Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2003. — 229 с.
18. *Киримова Е. А.* Правовой институт: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 1998. — 23 с.

19. *Коняхин В. П.* Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / предисл. А. В. Наумова. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. — 346 с.
20. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. — М. : Спарк, 2001. — 767 с.
21. *Никифоров Б. С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. — М. : Госюриздат, 1960. — 229 с.
22. *Панько К. К.* Теория и практика законотворчества в уголовном праве : монография. — М. : Юрлитинформ, 2011. — 312 с.
23. *Перевалов В. Д.* Нормы права: проблемы понимания и определения // Российское право: образование, практика, наука. — 2017. — № 5. — С. 10–18.
24. *Прохоров В. С., Кропачев Н. И., Тарбагаев А. Н.* Механизм уголовно-правового регулирования. — Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. — 203 с.
25. Российское уголовное право. Общая часть : в 2 т. / под ред. А. И. Рарога. — М. : Профобразование, 2001. — Т. 1. — 582 с.
26. *Садовский В. Н.* Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. — М. : Наука, 1974. — 276 с.
27. *Сырых В. М.* Теория государства и права : учебник. — М. : Юстицинформ, 2001. — 592 с.
28. *Тенчов Э. С.* О принципах и основаниях закрепления в законе системы уголовно-правовых институтов // Направления уголовной политики в борьбе с преступностью : межвузовский сборник научных трудов. — Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1986. — С. 19–28.
29. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Мазутова и А. В. Малько. — М. : Юристь, 1999. — 776 с.
30. Теория государства и права : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / С. С. Алексеев, С. И. Архипов, Г. В. Игнатенко [и др.] ; отв. ред. В. Д. Перевалов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2004. — 454 с.
31. Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. С. С. Алексеева. — М. : Норма, 2005. — 496 с.
32. Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Эксмо, 2010. — 324 с.
33. Теория систем и системный анализ : учеб. пособие / В. Н. Чернышов, А. В. Чернышов. — Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. — 484 с.
34. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. В. П. Бодаевского, В. М. Зимины, А. И. Чучаева. — М. : Проспект, 2018. — 251 с.
35. *Филимонов В. Д.* Норма уголовного права. — СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2004. — 281 с.
36. *Шарапов С. Н.* Военно-уголовное законодательство: новая дефиниция старого термина // Военное право. — 2009. — Вып. № 1. — URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/3347>.
37. *Шарапов С. Н.* Военно-уголовное право в системе отечественного права // Военно-уголовное право. — 2007. — № 3. — С. 113–121.
38. *Шулепов Н. А.* Теоретические основы реализации уголовной ответственности военнослужащих : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2001. — 365 с.
39. Энциклопедия уголовного права. — 2-е изд. — СПб. : Изд-е проф. Малинина ; ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2008. — Т. 1 : Понятие уголовного права. — 733 с.
40. *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип реальности. Методологические проблемы современной науки. — М. : Наука, 1978. — 391 с.

Материал поступил в редакцию 30 ноября 2020 г.

REFERENCES

1. Averyanov A. Sistemnoe poznanie mira. metodologicheskie problemy [Systemic cognition of the world. Methodological problems]. Moscow: Politizdat Publ.; 1985 (In Russ.).
2. Alekseev PV, Panin AV. filosofiya : uchebnik [Philosophy: A Textbook]. 3rd ed. Moscow: TK Welbi, Prospekt Publ.; 2003 (In Russ.).
3. Alekseev SS. Pravo: azbuka — teoriya — filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya [Law: alphabet — theory — philosophy. Experience of Complex Research]. Moscow: Statut Publ.; 1999 (In Russ.).
4. Alekseev SS. Struktura sovetskogo prava [Structure of Soviet Law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1975 (In Russ.).
5. Bezverkhov AG. Sistemnyy podkhod v nauke ugolovnoogo prava [A Systemic Approach in the Science of Criminal Law]. In: Systemicity in criminal law: Proceedings of the 2nd Russian Congress of Criminal Law held on May 31 — June 1, 2007. Moscow: Prospekt Publ.; 2007 (In Russ.).
6. Bodaevsky VP. Obshchestvennaya opasnost deyaniya kak kriteriy, determiniruyushchiy osobennosti pravovogo regulirovaniya ugolovnoy otvetstvennosti voennosluzhashchikh [Public danger of an act as a criterion that determinates the peculiarities of legal regulation of criminal liability of military personnel]. *Scientific Notes of Vernadskiy Crimean Federal University. Yuridicheskie nauki*. 2019;5(71)(3):88-95 (In Russ.).
7. Ershova VV, Khomchik VV, editors. Voennaya yustitsiya v Rossii: istoriya i sovremennost [Military Justice in Russia: History and Modernity]. 2nd ed. Moscow: RGUP Publ.; 2017 (In Russ.).
8. Akhmetshin KhM, et all. Akhmetshin KhM, Zatelepin OK, editors. Voенно-ugolovnoe pravo : uchebnik [Military criminal law: A Textbook]. Moscow: Za prava voennosluzhashchikh Publ.; 2008 (In Russ.).
9. Ershov VV, Khomchik VV, editors. voенно-ugolovnoe pravo : uchebnik [Military Criminal Law: A Textbook]. 2nd ed. Moscow: RGUP Publ.; 2020(In Russ.).
10. Demin AV. Sistema rossiyskogo prava: tendentsii i perspektivy [The system of Russian Law: Trends and Prospects]. In: Klyk NL, editor. Systemicity in Law. Krasnoyarsk: Univers Publ.; 2002 (In Russ.).
11. Eliseev SA. Ponyatie sistemy osobennoy chasti ugolovnoogo prava [The Definition of the System of the General Part of Criminal Law]. In: Systemicity in criminal law: Proceedings of the 2nd Russian Congress of Criminal Law held on May 31 — June 1, 2007. Moscow: Prospekt Publ.; 2007 (In Russ.).
12. Ermolovich EN. Differentiatsiya ugolovnoy otvetstvennosti voennosluzhashchikh : monografiya [Differentiation of criminal responsibility of military personnel: monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2014 (In Russ.).
13. Ermolovich YaN. Teoretiko-pravovye osnovy voенно-ugolovnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii : monografiya [Theoretical and legal basis of military-criminal policy in the Russian Federation: monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2012 (In Russ.).
14. Ershov VV. Pravovoe i individualnoe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy : monografiya [Legal and individual regulation of public relations: monograph]. Moscow: RGUP Publ.; 2018 (In Russ.).
15. Zhuk MS. Teoreticheskie i prikladnye problemy vzaimosvyazi Obshchey i Osobennoy chastey ugolovnoogo prava [Theoretical and Applied Problems of Interrelation of the General and Special Parts of Criminal Law]. *Rossiiskoe pravosudie*. 2010;12:54-64 (In Russ.).
16. Zhuk MS. Theoretical bases of building a system of institutes of Russian criminal law: monograph. Ed. by Konyakhin BP. Krasnodar: Kuban State University, Prosveshchenie-Yug Publ.; 2011 (In Russ.).
17. Kirienko MS. Sistema osobennoy chasti ugolovnoogo kodeksa rossiyskoy federatsii : dis. ... kand. yurid. nauk [System of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Chelyabinsk; 2003 (In Russ.).
18. Kirimova EA. Pravovoy institut: teoretiko-pravovoe issledovanie : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Law Institute: Theoretical and Legal Research: Author's Abstract]. Saratov; 1998 (In Russ.).
19. Konyakhin VP. Teoreticheskie osnovy postroeniya obshchey chasti rossiyskogo ugolovnoogo prava [Theoretical foundation of construction of the General Part of Russian Criminal Law]. St. Petersburg: Yuridicheskii Tsentr-Press Publ.; 2002 (In Russ.).
20. Kudryavtsev VN, Naumov AV, editors. Kurs rossiyskogo ugolovnoogo prava [Russian criminal law course]. Moscow: Spark Publ.; 2001 (In Russ.).
21. Nikiforov BS. Obekt prestupleniya po sovetskomu ugolovnomu pravu [Object of crime under Soviet criminal law]. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1960 (In Russ.).

22. Panko KK. teoriya i praktika zakonotvorchestva v ugovnomn prave : monografiya [Theory and practice of lawmaking in criminal law: monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2011 (In Russ.).
23. Perevalov VD. Normy prava: problemy ponimaniya i opredeleniya [Norms of law: problems of understanding and definition]. *Russian Law: Education, Practice, Science*. 2017;5:10-18 (In Russ.).
24. Prokhorov VS , Kropachev NI. , Tarbagaev AN. Mekhanizm ugovno-pravovogo regulirovaniya [The mechanism of criminal law regulation]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarsk. University Publ.; 1989 (In Russ.).
25. Rarog AI, editor. Rossiyskoe ugovnoe pravo. obshchaya chast : v 2 t [Russian criminal law. General part: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Profobrazovanie Publ.; 2001 (In Russ.).
26. Sadovskiy V.N. Osnovaniya obshchey teorii sistem. Logiko-metodologicheskiy analiz [Grounds of general theory of systems. Logical-Methodological Analysis]. Moscow: Nauka Publ.; 1974 (In Russ.).
27. Syrykh V. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik [Theory of the state and law: textbook]. Moscow: Yustitzinform Publ.; 2001 (In Russ.).
28. Tenchov ES. O printsipakh i osnovaniyakh zakrepleniya v zakone sistemy ugovno-pravovykh institutov [Principles and bases of enshrining the system of criminal law institutions in the law]. In: Directions of criminal policy in the fight against crime: interuniversity collection of scientific works]. Sverdlovsk: Izd-vo Sverdl. yurid. in-ta Publ.; 1986 (In Rus.).
29. Mazutov NI, Malko AV, editors. Teoriya gosudarstva i prava : kurs lektsiy [Theory of the State and law: course of lectures]. Moscow: Jurist Publ.; 1999 (In Russ.).
30. Alekseev SS, Arkhipov SI, Ignatenko GV. Perevalov VD, editor. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsialnosti «Yurisprudentsiya» [Theory of state and law: textbook for university students studying in the specialty “Jurisprudence”]. 3rd ed. Moscow : Norma Publ.; 2004 (In Russ.).
31. Alekseev SS, editor. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov i fakultetov [Theory of state and law: textbook for law universities and faculties]. Moscow: Norma Publ.; 2005 (In Russ.).
32. Morozova LA. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik [Theory of the state and law: textbook]. 4th ed. Moscow: Eksmo Publ.; 2010 (In Russ.).
33. Chernyshov VN, Chernyshov AV. Teoriya sistem i sistemnyy analiz : ucheb. posobie [Theory of systems and system analysis: textbook]. Tambov: Izd-vo Tamb. State Technical University Publ.; 2008 (In Russ.).
34. Bodaevskiy VP, Zimin VM, Chuchaev AI. Ugovnoe pravo. Obshchaya chast : uchebnik [Criminal Law. General part: A textbook]. Moscow: Prospekt Publ.; 2018 (In Russ.).
35. Filimonov VD. Norma ugovnogo prava [The Norm of Criminal Law]. St. Petersburg: R. Arslanov’s Yuridicheskiy Tsentr Press; 2004 (In Russ.).
36. Sharapov SN. Voenno-ugolovnoe zakonodatelstvo: novaya definitsiya starogo termina [Military criminal legislation: new definition of the old term]. *Military Law*. 2009;1. Available from: <http://www.voennoepravo.ru/node/3347> (In Russ.).
37. Sharapov SN. Voenno-ugolovnoe pravo v sisteme otechestvennogo prava [Military criminal law in the system of domestic law]. *Military Criminal Law*. 2007;3:113-121 (In Russ.).
38. Shulepov NA. Teoreticheskie osnovy realizatsii ugovnoy otvetstvennosti voennosluzhashchikh : dis. ... d-ra yurid. nauk [Theoretical Foundations of Implementation of Criminal Responsibility of Military Personnel: Doctoral Dissertation]. Moscow: 2001 (In Russ.).
39. Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 1. The Concept of Criminal Law. 2nd ed. Izd-e prof. Malinin; Pushkin LSU Publ.; 2008 (In Russ.).
40. Yudin EG. Sistemnyy podkhod i printsip realnosti. Metodologicheskie problemy sovremennoy nauki [A Systemic Approach and Principle of Reality. Methodological problems of modern science]. Moscow; Nauka Publ.; 1978 (In Rus.)